

Абусупьян АКАМОВ

Духовная литература кумыков на «тюрки»
(на примере творчества Абдурахмана из Какашуры)

Мақалада автор кумықтың діни әдебиетінде қолданылатын «түркі» жәңры туралы Абдурахман Какашурының шығармашылығынан мысал келтіре отырып, жәңрдың шығуы дінге байланысты болғанмен дәстүрлі түркілік дүниетаным негізінде түркі халықтарында пайда болғандығын баяндайды.

Araştırmacı, Kumukların dinî-tasavvufî edebiyatında kullanılan "türkî" türü doğrultusunda Abdurahman Kakaşuramın eserlerinden örnekler vererek, bu edebî türün Türk halklarında doğuşunu, geleneksel Türk dünyâ görüşü ile bağılığını incelemiştir.

Последние десятилетия, несмотря на известные негативные явления в жизни страны, открыли путь и таким положительным процессам, о которых мы ранее не могли и говорить – об исследовании, о публикации наследия ряда авторов, получивших ярлыки «религиозных фанатиков», «мистиков» и т.д. К числу таких был безосновательно отнесен и крупнейший кумыкский поэт – суфий Абдурахман из Какашуры (кон. XVIII нач. XIX вв.).

Творчество Абдурахмана из Какашуры воплощено в формах религиозных проповедей, размышлений, сентенций, философствований, наставлений, известных в народе под названием «тюрки».

Основа изучения «тюрки» в дагестанском, в частности даргинском литературоведении, заложена статьей кандидата филологических наук А.А. Алихановой, которая пишет: «Данную работу мы посвящаем тулки – жанру дореволюционной письменной поэзии даргинцев, – зачатки которой сложились в те далекие времена, когда Страна гор еще только вступила в соприкосновение с культурой стран мусульманского Востока» [1. 25]. Далее, автор пытается выявить генеалогию жанра, сопоставляя различные возможные его истоки и приходит к выводу, что дагестанские «тюрки» восходят к излюбленному жанру турецкого народного творчества – *тюрко* – многострофной лирической песни. Тезис о том, что «тюрки» – турецкая народная лирическая многострофная песня констатирует и известная исследовательница турецкой литературы В.С. Гарбузова, которая пишет, что: «...песни «тюркю» – излюбленный жанр турецкого народного творчества, дошедший до наших дней» [2. 50]. Как литературоведческий термин, «тюрки» в различных языках звучит по-разному: «турки» – на аварском, «тулки» – на даргинском, «тюркю» – на кумыкском, «турки» – на лакском, лезгинском и других языках.

Действительно, «тюрки» как стихи религиозного содержания различных жанров и в художественной культуре народов Дагестана, в особенности у кумыков как одного из тюркских народов, называются также, характеризуются развернутым содержанием, большим объемом и высоким лирическим накалом.

Понятие «тюрки» включает в себя многочисленные духовные стихи самого разнообразного содержания и формы и являются названием не одного

какого-то поэтического жанра. «Тюрки» – это особая система жанров. Мы согласны с исследователем аварской литературы С. Хайбуллаевым, который констатирует, что: «...тюрки – это религиозные стихи вообще, а не конкретный жанр духовной литературы, это собирательное название поэтических произведений именно письменной литературы, созданной в своем большинстве учёными-алимами и другими представителями мусульманского духовенства для удовлетворения религиозных, эстетических и художественных потребностей мусульманской общины. Произведения, входящие в это понятие, весьма различны по своему содержанию, поэтическим особенностям и общественным функциям: это молитвы, проповеди, наставления, назидания, жития святых, панегирики или оды им, элегии, похоронные плачи, письма-пожелания» [3. 108-109]. Но, мы не вполне согласны с мнением исследователей А.А. Алихановой и С.М. Хайбуллаева о том, что в понятие «тюрки» входят и жития святых. Жития святых включают в себя повести, посвященные пророкам и различным персонажам Корана. Такие повести представляют собой либо обширные своды «обо всех пророках» типа «Кисас аль-анбийа» («Истории о пророках»), либо, чаще отдельные произведения о жизни одного из них («Повесть о Юсуфе», «Повесть о Закарии» и др.). Следовательно, даже по объему они не могут быть включены в «тюрки».

В сфере внимания «тюрки» находятся проблемы утверждения исламских идеалов, духовного и нравственного воспитания правоверного мусульманина. Отсюда кропотливая работа авторской мысли на внушение, назидание и наставление, побудительный пафос и повторяемость из текста в текст одних и тех же образов и предписаний – о пользе чтения Корана и его достоинствах, о том, как возвеличивать Всевышнего и просить прощение за грехи, что дозволено и что запрещено мусульманину, о бренности земного существования и необходимости добросовестно исполнять все предписания ислама, картины Судного дня, ада и рая. Таково содержание «тюрки» одного из самых крупных кумыкских, да и дагестанских богословов Абдурахмана из Какашуры. Эта ставшая нормой для поэзии Абдурахмана повторяемость тем, сюжетов, образов, поэтических троп непосредственно исходит из традиций Корана и всей арабской литературы, «для которых повторы, ретардация, постепенное нагнетание интенсивности были чрезвычайно характерны» [4. 59]. Так, почти во всех сурах Корана приводятся легенда о Мусе (Моисее), Всемирном потопе, эсхатологические мотивы, сюжеты прославления Всевышнего и другие.

В действительности, когда знакомишься с творческим наследием Абдурахмана из Какашуры, убеждаешься в том, что его «тюрки» в основном однотипны, схожи друг с другом и весьма проблематично провести между ними содержательную или формальную грань. Но следует подчеркнуть, что эта однотипность произведений, их схожесть друг с другом и в содержательном и в формальном плане, рассматриваются нами не как изъян в

поэзии Абдурахмана из Какашуры. Это явление было характерно для всех литератур средневекового мусульманского Востока. «Литературное сочинение на средневековом мусульманском Востоке, в частности, в средневековой Анатолии, чтобы иметь успех у читателей и слушателей, не должно было порывать ни с литературной традицией, ни с традиционной моралью. Новаторство мало занимало как самих писателей, так и их читателей. В этом можно видеть одно из качественных различий в авторских устремлениях и читательском восприятии людей средневековья и нашего времени» [5. 122]. Это положение подтверждается, в частности, и на материале персо- и тюркоязычных историографических сочинений эпохи Средневековья [6. 80].

Дополнительное подтверждение тому, что одним из условий популярности поэзии на средневековом Востоке является её традиционность, привычность, можно найти в сочинении Абдурахмана Джами «Бахаристан» («Весенний сад»), написанном в 892/1487 г. Характеризуя поэзию Амира Хосрова Дехлеви, Джами пишет: «Его газели нравятся всем, поскольку он использует в них образы, которые уже знакомы влюбленным и воспринимаются каждым из них сообразно своему вкусу и нраву» [7. 180].

Изложенные факты дают основание предположить, что поэзия Абдурахмана из Какашуры была скорее всего традиционна, т.е. эти стихи были созданы в соответствии с эстетическими нормами тюркской средневековой поэзии.

В вызванной к жизни общими задачами и целями воспитания благочестивого и верного идеям ислама мусульманина, в поэзии Абдурахмана из Какашуры представлены едва ли не все жанровые виды и подвиды религиозной литературы – проповеди и покаяния, религиозные гимны и элегии на смерть Пророка, святых – шахидов, погибших за веру и т.д.

Значительное место в его поэзии занимают «тюрки», мысли и идеи которых в полной мере определяются исламскими канонами и носят ярко выраженный функциональный характер: обучение мусульманскому богослужению, положениям Корана, ознакомление с основами ислама и его историей, с жизнью пророков и святых. Эта богатая и разнообразная по форме, интонации и оттенкам литература, вобравшая в себя одновременно и особенности своего времени, его взгляды, представления, противоречия. Религиозные песнопения, элегии-плачи, проповеди и наставления создавали особый духовный климат, пропитывали сознание характерными настроениями, чувствами и идеалами, строили образ возвышенного человека, сумевшего подняться выше благ и соблазнов «бренного» мира и служить высокому и вечному – Аллаху, вере. Поэтизация борцов за идеалы ислама, естественно, начинается с образа пророка Мухаммада как высшего проявления человеческого духа и идеала каждого мусульманина. Особенно многосложно и проникновенно открылись эти стороны духовной поэзии в

творчестве Абдурахмана из Какашуры. Последовательно и обстоятельно, путем внушения и назидания, увещеваний, советов и предостережений, описаний страшной кары, ожидающей отступников, и вознаграждения на том свете праведных, на достойных примерах и добрых поступках идет утверждение и пропаганда основ мусульманской религии в произведениях: «Иман булан ислам эки кьардашдыр» («Вера с исламом – два родственника»), «Ла илягьа иллаллагь» («Нет Бога кроме Аллаха»), «Не кьадар яшасанг кьапул ятасан» («Сколько ни живи – живешь в беспечности»), «Азирейил кьатылгьынча» («Пока не пришел Азраил»), «Гьар кьуллукьну башыдыр ол беш намаз» («Начало любых дел – пять молитв»), «Вай аман, кьабур азабы» («Ах, эти муки загробной жизни») и др. Буквально по пальцам поэт перечисляет азы веры: вера во Всемогущего и Милостивого Аллаха; в его архангелов – Джабраила, Микаила, Азраила и Исрапила; в священное писание, ниспосланное Аллахом через своих посланников – Ибрахима («Откровение»), Мусу («Тора»), Дауда («Псалмы»), Ису («Евангелие»), Мухаммада («Коран»); в пророков Нуха, Ибрахима, Мусу, Ису и Мухаммада – последнего из пророков; в Судный день; в предначертания Аллаха. Большое место в своих «тюрки» Абдурахман из Какашуры отводит разъяснению и укреплению в сознании людей пяти столпов ислама: признания формулы «Нет Бога кроме Аллаха и Мухаммад пророк его», обязательности своевременного выполнения пятикратной ежедневной молитвы, давать закят – налог в пользу неимущих со своего имущества, тридцатидневного обязательного поста в месяце Рамазан, хаджа – святого паломничества в Мекку. Абдурахман из Какашуры особо подчеркивает значение пяти своевременно выполненных молитв, считая их основой основ ислама. В стихотворении «Гьар кьуллукьну башыдыр ол беш намаз» («Начало любого дела – пять молитв») поэт пишет:

Ислам ёлда беш намаз дин терекдир,
Аны кьылгьан жагьаннемден арекдир,
Ахырат уьуне ёлдаш герекдир,
Гьар ерде де ёлдашдыр ол беш намаз.

*На пути к исламу пять молитв – дерево веры,
Кто их выполняет, тот далёк от ада,
На тот свет нам нужен спутник,
Всюду твой спутник – эти пять молитв.*

Абдурахман из Какашуры написал элегию-плач на смерть Мухаммада «Расулуллагь оьлмакьны баянындагьы тюрк» («Описание смерти Пророка Мухаммада»). В этом «тюрки» поэт подробно описывает как Пророк заболел, как дочь Патимат стояла у его изголовья, как пришел ангел смерти Азраил и т.д. Он передает всё так достоверно и таким плавным речитативным стилем, что читающий сам как бы оказывается на месте событий. Смертью Мухаммада Абдурахман как бы напоминает, что даже посланник Аллаха не

остался в этом преходящем мире, он призывает людей жить честно, достойно, соблюдая нормы шариата, ибо завтра они предстанут перед Всевышним.

Вновь и вновь обращается поэт к своим слушателям с призывами следовать «прямым путём» и не поддаваться козням шайтана, как можно больше читать Коран, неумолимо рисует райские и земные щедроты, которыми Аллах одаривает благочестивых, и в резком контрасте с ними устрашающие картины ада, куда неминуемо попадут грешники. Для тех, кто не живет согласно морально-этическим уложениям ислама, кто не соблюдает его столпы, поэт расписывает ужасную участь таких людей в потустороннем мире. Абдурахман из Какашуры в таких произведениях, как «Пикри кылан билир тамашаланы» («Кто поразмыслит, тот познает чудеса»); «Исрапил сюр чалып аваз гелянда» («Когда Исрапил затрубит в трубу»); «Вай, аман кыабур азабы» («Ах, эти муки загробные»); «Ер кыарнында не тюрлю гыал бар экен?» («Что же творится в чреве земли?»); «Кыыямат гюн гыакъ диванын кыуранда» («В Судный день когда Всевышний устроит суд»); «Кыыямат гюн гелянда» («Когда наступит Судный день»); «Бу пана дюнъядан гечаниям мен» («Я покину этот бренный мир») и многих других не жалеет красок, щедро использует коранические представления о Судном дне, когда всем грешникам воздастся полной мерой. Не забываешь ли ты о том дне, вопрошает поэт, когда все люди придут в смятение, когда они не будут знать, что делать, и в полной растерянности понурят головы? Ангел Исрапил затрубит в трубу – все мертвые будут воскрешены, восстанут из могил, и двинутся с места, соберутся все на площади «Махшар», и судьей над всем будет Всевышний Аллах. Ангелы ада будут хватать их, тащить в геенну огненную, на грешниках загорится кожа и начнут обугливаться их кости. В тот миг будет исторгнут ужасный стон. Ангел, стоящий у врат ада, скажет: «Ад, увы, увы». Все затрясутся, перепугаются. Горы сдвинутся с места, от страха расколется небо, разорвётся цепь звезд, и звезды посыплются на землю. Все наши грехи, констатирует Абдурахман из Какашуры, будут собраны воедино, будет разорвано множество завес, и о тех твоих грехах, о которых ты не знал, будут говорить тебе твои руки, ноги и другие части тела.

Гыар кимге тептерин берген заманда,

Язылгыан амалын гьрген заманда,

Аяклары шагъат болгыан заманда –

Кыоллары сейлегендедир тамаша.

(«Пикри кылян билир тамашаланы»)

Когда каждому отдадут его книгу (жизни),

Когда он увидит записанные в ней свои поступки,

Когда ноги его засвидетельствуют –

А руки будут говорить, вот это – чудеса.

(«Кто поразмыслит, тот чудеса познает»)

Популярный суфийский мотив «фана» пронизывает всю поэзию Абдурахмана из Какашуры. «Как и его дагестанские предшественники, и современники, Абубакар из Аймаки, Гасан из Кудали, Абдурахман из Какашуры в большинстве своих произведений призывал соотечественников полностью предаться воле Аллаха, служению религии, забыть о бренной жизни, земных благах» [8. 31]. Как отмечает исследователь, для суфийской поэзии характерны аскетическая ненависть к телу, культ бедности, осуждение богатства и роскоши, которые, согласно суфийской философии, также связаны с идеями фана [8].

Поэт сравнивает душу человека с птицей, а тело – это клетка («Танда жаным тарлана эди»; «Душа моя была внутри тела»). С «клеткой» плоти, с «цепями» земной жизни удастся покончить благодаря праведной жизни, служению истине, раскаянию в «мирских» делах, и только укрепившись в своей вере, человек смело может прощаться с этой жизнью:

Гьар ким сагъа бакъса, ёлдан адаша,
Гьара мен гетдим, сен парахат яша,
Досгъа душман олмакъ, бу не тамаша –
Тамандыр кьой мени, ай, пана дюнья!

(«Ай, дюнья, сен мени саласан отгъа»)

Каждый, кто следует тебе (мир), тот заблуждается,
Теперь я ушел (из жизни), ты живи спокойно (мир).
Быть врагом другу, что за чудеса!
Хватит, о бренный мир, оставь меня!

(«О, мир [бренный], ты бросаешь меня в огонь»)

Абдурахман из Какашуры, используя традиционные суфийские образы, приводит читателя к мысли, что телесная смерть открывает путь к вечной «духовной» жизни, – как избавление птицы из клетки. Быстротечность жизни, суетность всего мирского чаще всего в поэзии Абдурахмана из Какашуры символизируют дерево без корней, на которое нельзя опереться, ибо оно упадет на землю как подрубленное, сладкоголосый соловей, который навеки умолкает. Земную жизнь поэт считает разрушительницей («хараба») духа человека и т.д. Преходящесть земной жизни поэт подчеркивает, изображая человека гостем в этом мире («Мусапирсен, ёлунг таны»; «Ты, путник, знай свой путь»). Образ пришельца, гостя, который зашел ненадолго и непременно уйдет, – традиционный для суфийской литературы.

Традиционны и встречающиеся у Абдурахмана образ моря, символизирующего истину («хакикат») и образ корабля, символизирующего шариат.

Своеобразие творческого почерка поэта находит свое выражение и в его художественной интерпретации библейско-коранических образов, догматов и сюжетов. Поэт часто называет имена пророков – Адама, Нуха (Ноя), Сулеймана (Соломона), Юнуса (Иона), Юсупа (Иосифа), Мусы (Моисея),

Исы (Иисуса), Ибрахима (Авраама) и Мухаммада. Он приводит их традиционные, устойчивые особенности, черты характера. Так, в стихотворении «Къадир Аллагъ къудратындан азалда» («Всемогущий Аллах по воле своей извечно»), когда речь заходит о Нухе, он выделяет его терпимость ко всем страданиям, которые были ему ниспосланы, в Сулеймане, которому подчинялись птицы и звери, он отмечает его мудрость, в Ибрахиме – послушность и т.д. В стихах поэта предстаёт вся иерархия пророков, начиная с Адама и заканчивая последним пророком Мухаммадом. А далее идёт то, что можно назвать композиционным приемом «интригования» читателя: поэт начинает также перечислять имена известных грешников, наказанных Аллахом – утонувшего царя Фиравна, Намруда, погубленного комаром; в резком контрасте с ними напоминает об известных праведниках, спасшихся в трудную минуту по воле Милосердного Аллаха, – об Ибрахиме (Авраам), который не сгорел в огне и для которого песок превратился в муку, а гора родила верблюдицу, давшую молоко его племени. Далее идет рассказ об избраннике Аллаха Нухе (Ной), спасшем от потопа себя и своих близких на ковчеге. За всем этим следует обобщающая строфа, ради которой, собственно, и писался весь предшествующий рассказ об избранниках Аллаха:

Яд айладым он эки пайхаммарны,
Юз йигирма дёрт минг набилар гъани,
Къапуллукъда пакъыр Абдуррагъмани –
Къаплат юхусунда шол гетмадиму?

(«Къадир Аллагъ къудратындан азалда»)

Я вспомнил про двенадцать избранников,
Про сто двадцать четыре тысячи пророков,
В неведении бедный Абдурахман –
Разве не ушел (из мира) он во сне беспечности?

(«Всемогущий Аллах по воле своей извечно»)

Таким образом, Абдурахман из Какашуры целенаправленно создает интересный для религиозного человека контекст вокруг тщетности и суетности всего мирского и подводит читателя к пониманию того, что спасением для людей, тонущих в море греха, может стать только служение высшему и вечному – Богу.

Естественно, что читая о разных пророках и чудесах, читатель не только заинтригован данным текстом, но и – что особенно важно для суфийского автора – эмоционально подготовлен для его дальнейшего восприятия.

Чтобы получить полное представление о творчестве Абдурахмана из Какашуры, нам представляется необходимым остановиться в нескольких словах и на языке, на котором творил поэт. Как отмечает исследователь А.-К.Ю. Абдуллагипов, «Абдурахман писал на средневековом общетюркском языке – «тюрки». В ряде стихотворений его язык приближался к

разговорному кумыкскому языку, а в иных случаях перенасыщался арабизмами и иранизмами. Язык поэта сыграл большую роль в переходе арабоязычной кумыкской поэзии на платформу собственно кумыкского языка» [8. 39].

В лингвистическом аспекте «тюрки» – общее название региональных литературных тюркских языков XVII-XIX вв.: среднеазиатского, восточногузского, поволжского и северокавказского. Северокавказский «тюрки» – книжно-письменный язык с кыпчакской (старо-кумыкской) диалектной основой и регулярным отражением ряда старо-азербайджанских фонетических, грамматических и лексических черт. Он являлся региональным письменным языком официального делопроизводства и общения на Северо-Восточном Кавказе (особенно в Дагестане, Чечне, Кабарде), обсуживая не только тюркоязычные народы, но также носителей ряда кавказских (иберийско-кавказских) языков – андийцев, частично даргинцев, чеченцев, кабардинцев, ингушей [9. 525].

О широком применении данного языка в сфере официального письма, в научной, художественной и конфессиональной литературе пишет и исследователь Г.М.-Р. Оразаев [10. 49].

Ученый-востоковед Е.Э. Бертельс, говоря о языке «тюрки», писал: «В европейской науке с конца XIX века этот язык было принято называть «чагатайским» по имени второго сына Чингис-хана – Чагатая, улусом которого была Средняя Азия. В самих источниках такое название нигде не применяется, и его нужно признать безусловно неудачным. Было предложение заменить его термином «среднеазиатско-турецкий литературный язык исламской эпохи». Этот термин, в известной степени по причине тяжеловесности его, широкого распространения не получил» [11. 46]. Нам представляется, что самое удачное название этого языка, как отмечает и А.-К.Ю. Абдуллатипов, – «тюрки». Этот язык является непосредственным предшественником современного кумыкского литературного языка, который и лексически и морфологически имеет с ним очень много общего. В.Д. Смирнов констатирует, что язык «тюрки» или «чагатайский», охватывал тюркоязычные племена Средней Азии, Татарии, Закавказья, Северного Кавказа и Турции, в том числе исследователь упоминает и о кумыках, языком письменной литературы которых также был «чагатайский» [12. 4].

В поэзии Абдурахмана из Какашуры освещаются многие значительные вопросы сотворения мира, взаимоотношений народов, истории ислама, начиная с его возникновения до современного ему состояния, религиозных воззрений, норм человеческого поведения, нравственности, этики. В ней открывается большой комплекс сведений и знаний, библейская, евангелическая и кораническая мифология, легенды, предания. Не будучи верующим человеком и без знания всех этих вещей Абдурахмана невозможно полностью понять. И следовательно, язык «тюрки», на котором создавал свои

произведения Абдурахман, не соответствует языку широких народных масс того времени, представляя собой язык человека, образованного по-мусульмански, «начитанного в арабской и персидской литературах».

Думается, что в произведениях Абдурахмана предстает не «народный», а «книжный», высокого стиля «благородный тюрки». Таким образом, стихи поэта предназначались отнюдь не для всего населения, а для избранной его части, элитарность которой отражалась и в её языке, отличном от простонародного. Творчество Абдурахмана из Какашуры представляет собой одну из попыток популярно, масштабно изложить суфийское учение на общетюркском языке «тюрки» с учётом тюркских поэтических традиций. Поэтому образно-поэтическая интерпретация идей суфизма, осуществленная поэтом, представляет особый интерес с точки зрения исследования малоизученной (как это подчеркивает И.В. Стеблева) [13. 5] образной системы классической тюркоязычной поэзии. Одна из задач изучения названной поэзии состоит в том, чтобы выявить в ней систему традиционных образов и установить их возможное философское содержание [14. 154]. Однако такое исследование, вследствие тесной связи этой поэзии с философией и эстетикой суфизма, невозможно без знания специфической суфийской символики, которая требует, в свою очередь, специального изучения [15. 20].

В образно-семантической структуре текстов, в общем контексте всех стихов Абдурахмана из Какашуры по своей употребительности и функциональной значимости выделяются такие слова-образы и словосочетания, как: бели кьысгъа бойлу узун ат (конь с талией короткой, шеей длинной); ажжал огъу (стрела смерти); сегиз аякълы он гёзлю ат (восьминогий и десятиглазый конь); кьылдан инче, кьылычдан итти кёпюр (мост, который тоньше волосинки и острее меча); дин терек (дерево религии); мусапир (путник); манзил (стоянка); юлдуз йимик созулгъан гёзюм (подобные сверкающей звезде глаза); кьалам йимик кьыйылгъан кьашым (брови подобные перу); мигьманхана (помещение для гостей); кьапасда кьуш теки жаным (душа подобна птице в клетке); тамурсуз терек (дерево без корней); зулмат уй (комната мрака); кьанатлы кьуш (птица с крыльями); авчу (охотник); пана дюнья (бранный мир); жансыз ат (неживой конь: носилки) и т.д.

Естественно, что в художественной системе Абдурахмана из Какашуры значительное место занимают суфийские элементы. Разумеется, поэт употребляет множество суфийских терминов и выражений, сугубо специфичных для суфийского художественного мира. Эти, можно сказать, общие для суфиев выражения обладали не только чисто смысловыми и терминологическими значениями, но они, видимо, несли на себе и художественную нагрузку, пробуждая тем самым в читателе определенные эстетические эмоции. Эти различные по семантике слова, каждое из которых в «естественном» языке является практически однозначным понятием, в

поэтическом языке Абдурахмана меняют свои характеристики и характер своих отношений. Например, в стихотворении «Ата дедим, ана дедим къалмады» («Ни отец, ни мать моя не остались»):

Гъавчу сагъа: «Кимсан?» – деюп сорамас,
Урар, йыгъар, «Къой», – дияна къарамас.

*Охотник (Азраил) у тебя не спросит, кто ты,
Побьет, повалит, несмотря на твои мольбы.*

Здесь эти слова-образы, сохраняя свою самостоятельную семантику, выступают в функции изобразительно-выразительных средств, в частности, в качестве сравнений и метафор.

Для произведений Абдурахмана из Какашуры характерен наплыв чувств, эмоциональность их выражения, взволнованность. Весь свой талант автор использует для создания произведений, могущих вызвать отклик в душе читателя и слушателя, воздействовать на них, воспитать их в набожности. В «тюрках» поэта не столь важна информация, заложенная в них, как её эмоциональность, экспрессивность, способность воздействовать на разум и чувства, в большей степени на чувства. Поэзия Абдурахмана из Какашуры отличается образностью, метафоричностью, лаконичностью и поэтому его «тюрки» разворачиваются широким полотном поэтического излияния, выражения. Многословия, повторы, подробности, детали оцениваются нами в этих «тюрках» не как недостаток, а наоборот: чем больше перекликаются, повторяются темы и содержание стихов, тем больше усиливается сила их эмоционального воздействия на слушателей.

Къара ер къарнында ятаниям мен,
Къара ерде ватан тутаниям мен,
Къабур азапларын кютаниям мен –
Аман, Мункар-Накир, къоркъувум сенден.
(«Бу пана дюньядан гечаниям мен»)

В чреве земли буду лежать я,
В чреве земли найду обитель я,
Муки загробной жизни сполна испытаю я,
Ох, Мункар и Накир, страшусь вас!

(«Я покидаю этот бранный мир»)

Композиция рассматриваемого произведения, основанная на двух синтаксических приемах – повторения и параллелизма, представляется не случайной, а обусловленной, определяемой художественным заданием. «Тюрки» Абдурахмана из Какашуры предназначались прежде всего для пения во время мавлидов, зикров и представляли собой своеобразные назмы – религиозные песнопения. Их структура должна была отвечать условиям, при которых эти тексты могли бы легко петься и оказывать эмоциональное воздействие. Хорошие условия для этого создают синтаксические повторения и параллелизмы. «Синтаксическое единство есть вместе с тем единство

интонационное, и синтаксический параллелизм дает известное направление развитию мелодии. Этот факт является особенно существенным для понимания связи между композиционными построениями как бы песенного характера столь обычными в романтической лирике, и тем стремлением к звуковому, эмоционально-лирическому воздействию, которое отличает такую лирику» [16. 461]. Это положение о связи синтаксиса, интонации, мелодии и их следствия – эмоционального впечатления целиком приложимо ко многим произведениям Абдурахмана из Какашуры. Можно предположить, что их композиция, выбор композиционных приемов обусловлены стремлением поэта придать тексту песенный характер с ярко выраженным ритмом и эмоциональным воздействием.

Важно также отметить, что указанные приемы – синтаксический параллелизм и повторы являются основой архаического тюркского народного стиха, основным выразительным признаком эмоционально-приподнятой поэтической речи, характерным для народной тюркской поэзии [17. 28].

Таким образом, основу поэтического строя «тюрки» Абдурахмана из Какашуры составляет идущая с глубины веков тюркская поэтическая традиция с её собственными художественными представлениями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алиханова А.А. Тулки – жанр даргинской поэзии //Уч. записки ДФ АН СССР. Сер. Филология. Махачкала, 1968. Т. XVIII.
2. Гарбузова В.С. Поэты средневековой Турции. Л., 1963.
3. Хайбуллаев С.М. Духовная литература аварцев.
4. Шидфар Б.Я. Образная система арабской классической литературы (VI-X вв.). М., 1974.
5. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М., 1972.
6. Султанов Г.И. Рукописная историческая книга и её читатели в странах средневекового мусульманского Востока //Народы Азии и Африки. 1984. № 2.
7. Джамии А. Весенний сад (Бахаристан). М., 1987.
8. Абдуллатипов А.-К.Ю. История кумыкской литературы (до 1917 года).
9. Лингвистический энциклопедический словарь /Под ред. В.Н. Ярцева. – М., 1990.
10. Оразаев Г.М.-Р. «Северокавказский тюрки» в системе тюркских региональных письменных языков XVI-XIX вв. //Сов. тюркология. 1987. № 3.
11. Бертельс Е.Э. Навои и Джамии.
12. Смирнов В.Д. Очерки истории турецкой литературы. СПб., 1891.
13. См.: Стеблева И.В. Семантика газелей Бабура. М., 1982.
14. Иванов С.Н. К изучению жанра газели в староузбекской поэзии //Тюркологический сб. М., 1978.

15. Иванов С.Н. Пять веков узбекской газели // В красе нетленной предстаёт: Узбекская классическая лирика XV-XX вв. М., 1977.
16. Жирмунский В.М. Теория стиха. Л., 1975.
17. Жирмунский В.М. О некоторых проблемах теории тюркского народного стиха // Вопр. языкознания. 1968. № 1.

RESUME

Abussupyan Akamov (Makhachkala)
Kumyk Sacred Literature of "Turks"
(on the example of creation of Abdurakhman from Kakashura)

In the article the author gives some facts of "Turkic" genre on the example of Abdurakhman kakashura's literary works, used in the Kumyk sacred literature. Also he proves that despite the fact that the reason of origin of this genre is comes from traditional Turkic world outlook of Turkic peoples.